

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В12

Lucy Vine

HOT MESS

Copyright © Lucy Vine 2017
First published by Orion Books, London

Перевод с английского *И. Наумовой*

Художественное оформление *С. Власова*

Вайн, Люси.

В12 Горячая штучка : роман / Люси Вайн ; [пер. с англ. И. Ю. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-099360-4

Элинор Найт с опаской ожидает своего тридцатилетия. Она работает иллюстратором в лондонской рекламной компании, а мечтает стать настоящим художником. Живет с друзьями на съемной квартире, которую ласково называет Грязной Дырой, но надеется, что это временно. Как и ее неудачи в личной жизни.

Элинор все надоело – работа без энтузиазма, бесконечные однотипные свидания и нервная городская жизнь. Поэтому она берет паузу. Ото всего и всех.

И вот тут-то начинается самое интересное.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099360-4

© Наумова И., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

19.34, пятница 14 февраля

Место положение: Поистине отвратительный бар, декорированный как будто бы для того, чтобы внушать каждому пожизненную неприкаянность. На стене — позолоченная голова лося, огромный подсвечник из самоварного золота, повсюду зеркала и *верхний свет*. Каким же чудовищем надо быть, чтобы установить светильники на потолке?

Я сижу спокойно, очень спокойно. Я устроилась у барной стойки в идеально небрежной-но-привлекательной позе так, чтобы от двери была видна моя лучшая (правая) сторона. Мне *ужасно* неудобно, но ведь в любую секунду здесь может появиться ВТСЕМ (возможно, тот самый единственный мужчина), и, если кино меня чему-нибудь научило — а оно научило меня всему, — любовь с первого взгляда — ключ к вечному счастью.

Проходит несколько минут, я сижу неподвижно, замечая уголком глаза, что барменша с любопытством наблюдает за тем, как я сижу в идеально застывшей позе в стиле восковых фигур мадам Тюссо.

— С вами все в порядке? — в конце концов спрашивает она, неловко улыбаясь и вытирая салфеткой барную стойку рядом со мной.

В порядке ли я? Ну, это довольно сложный вопрос. Сегодня — День святого Валентина, а я сижу в одиночестве на табурете, хотя табуреты — мои заклятые враги, серьезно, пусть кто-нибудь элегантно вскарабкается на табурет или слезет с него, и тогда он поймет, почему я весь вечер не могу сходить в туалет в ожидании свидания вслепую, которому, вероятно, так и не суждено состояться. Мое взволнованное лицо блестит, я не захватила с собой матирующие салфетки. О, от нервозности у меня выступила испарина, и капли пота стекают на глаза. Вероятно, барменше ни к чему погружаться с головой в мой поток сознания, поэтому вместо ответа я просто киваю и заказываю еще одну порцию спиртного (я собираюсь встать, с тем же успехом я и одна могу неплохо провести время).

Барменша улыбается.

— Белого вина? — Я, продолжая кивать, ухмыляюсь. — Между прочим, вы очень мило выглядите, — добавляет она, щедро наливая мне вина на глазок (за что я ей вечно благодарна).

— Спасибо, — говорю я, искоса поглядывая на нее и думая о том, что дела у *милашки* ни к черту. Осторожно балансируя на одной ягодице, я задираю юбку чуть выше и слегка приспускаю топ. Милашка может себе это позволить.

И, словно по волшебству, мой телефон начинает вибрировать. Это он!

Это не он, это Софи:

— Ты в порядке? Тысяча поцелуев

Я закатываю глаза. Все беспокоятся обо мне, непрерывно спрашивая, в порядке ли я. Сегодня я получила уже одиннадцать сообщений от родных и друзей, справ-

лявших, все ли у меня «в порядке», и посылавших мне свои «поцелуи». Джеки — проклятая двадцатидвухлетняя старушка Джеки с моей работы, лучший друг которой отбывает срок за кражу в местном игровом зале — Джеки расстраивается из-за меня. Как приятно узнать, что столько моих близких уверены в том, что оставаться в одиночестве в День святого Валентина — хуже смерти. Я перевожу взгляд на золоченого лося. Да, верно, возможно, подобная ситуация хуже смерти.

Это свидание устроила моя сестра Дженнифер. Она сказала — а я привожу ее точную цитату: *«Если я предоставляю это дело тебе, ты умрешь в одиночестве. А я не хочу, придя к тебе, разгонять пожирателей тебя кошек. Я не хочу этого делать, с меня довольно»*. Итак, на сегодняшний вечер она устроила мне свидание с Мартином, который, судя по всему, *«не красавец, но ты в безвыходном положении, поэтому сойдет и он»*. Как это возбуждает. Он давно работает адвокатом по налоговым делам — звучит очень сексуально — вместе с Эндрю, мужем Джен, и всего лишь пару месяцев пребывает в одиночестве. Но Джен говорит, что именно сейчас и нужно его атаковать. Упустишь, и его кто-нибудь перехватит. Мы с Мартином обменялись несколькими SMS в весьма официальном, что типично для налоговых адвокатов, стиле (честно говоря, мне казалось, что в какой-то момент он спросит у меня номер страхового полиса), и он выбрал бар и назначил время. Правда, когда мы договаривались, я упустила из вида, что это День святого Валентина, но сейчас я не могу об этом забыть, вот до чего доводят SMS. Секунду спустя, когда я вышла на улицу, я увидела пару, которая держала в руках розовый воздушный шар в форме сердца. Они совсем не смущались. В этот единственный день в году влюбленным разрешается заявить о себе, и се-

годня тот самый день. Это как ведьмы во время Хэллоуина, но от их магической силы всех вокруг тошнит.

Проходят несколько минут, и я посылаю ВСЕМ следующее сообщение.

Надеюсь, ты не заблудился! Я сижу в баре и балдею в одиночестве! Я выгляжу очень круто!!!

Возвращаясь, я стираю пару восклицательных знаков. А затем в мгновение ока добавляю смайлик на случай, если сообщение покажется слишком серьезным. Я нажимаю «отправить» и смотрю на часы. Адвокат по налоговым делам опаздывает почти на полчаса, что не соответствует его профессии. Если он так беспечно относится к времени, значит, это почти позволяет мне надеяться на то, что он не похож на настоящего адвоката-по-налоговым-делам. Я вздыхаю, я так взволнована, мне нужно успокоиться. Господи, может быть, он здесь, но у него разрядился телефон? Может быть, он думает, что я передумала. Я не имею никакого представления о том, как он выглядит, потому что твердо решила не искать его фотографию в Facebook, ведь я жаждала *ПРИКЛЮЧЕНИЯ*, и теперь я ненавижу себя за это.

Как унизительно. Надо ли мне позвонить ему? Нет, это еще неудобнее, чем сидеть на табурете. В нашем поколении так не принято — мы обмениваемся SMS и смайликами. Если бы я могла, то общалась бы исключительно через ссылки в статьях с сайта BuzzFeed¹. Что же, я почти всегда так и делаю.

Я жду еще пять минут. Теперь я пишу ему сообщение в WhatsApp и — не судите меня строго — даже посылаю ему

¹ BuzzFeed — новостная медиакомпания, основана в 2006 г. в Нью-Йорке (здесь и далее примечания переводчика).

«забавный» снимок через приложение Snapchat, спрашивая, где он. Потом успокаиваюсь и звоню. Мне отвечает голосовая почта. Это отвратительный признак. Должна ли я оставить сообщение? Мне, правда, не по себе... слишком поздно.

— О, привет! Хм. Это Элли. Элинор Найт. Сестра Дженнифер. Сестра жены Эндрю. Эндрю, с которым ты работал в 2010 году и в друзьях которого ты числишься на его страничке в Facebook, так вот, его жена написала тебе в Facebook и назначила свидание со своей безнадежной сестрой. Это я! Я — в баре, мне казалось, что мы договорились на 7.30, разве не так? Я выпила два с половиной бокала вина, что, наверное, многовато, но они были небольшими. Плевать. Средними. Надеюсь, у тебя все в порядке. Позвони или напиши мне, когда ты... — Голосовая почта прерывает меня, что совершенно справедливо, потому что мне тоже хотелось бы заткнуться. Почему звонки отбивают всякую охоту звонить? Создается впечатление, что все желают вам в жизни неудачи.

Может быть, он умер! — приходит мне в голову счастливая мысль. Может быть, по пути сюда его сбила машина, потому что он нес чертов дурацкий розовый шар в форме сердца, который загораживал ему обзор, и он остановился на дороге, не заметив мчавшийся на него «мини-купер»? Я представляю воздушный шар, безмятежно улетающий в ночное небо, подальше от лежащей внизу окровавленной плоти.

Это означало бы, что он не кинул меня и что Дженнифер не рассердится на то, что я все испортила.

Барменша возвращается. В руке она держит рюмку.

— Вот, — говорит она, протягивая ее мне. — Выпей и забудь обо всем. Ведь все из-за мужика, верно? Мужик, который ведет себя как подонок? Тебе это необходимо.

Я смеюсь и беру текилу.

— Не хочешь тоже пропустить рюмочку? — спрашиваю я. — Меня кинули в День святого Валентина, что, по-моему, восхитительно, разве не так?

Барменша берет вторую рюмку.

— Могло быть и хуже, — весело говорит моя новая знакомая. — Меня вчера бросили, обойдясь одним сообщением. Он написал мне *сообщение*. Пока я была здесь, на работе. Я рассказала боссу, а он сказал: «О, дорогуша, по крайней мере, это означает, что ты сможешь работать завтра, в Валентинов день».

Она мрачно усмехается. Мы выпиваем по рюмке.

— Как долго вы были вместе? — спрашиваю я, стирая липкую текилу с подбородка, а вместе с ней и большую часть своего макияжа. Теперь слишком поздно для любви — и даже для похоти — с первого взгляда с адвокатом по налоговым делам. — Кстати, меня зовут Элли.

— Год, — говорит она, опрокидывая следующую рюмку. — И все кончилось эсэмэской. Он сказал, что не готов взять на себя ответственность, и пожелал мне удачи. Он. Пожелал. Мне. Ладно. И поставил плачущий смайлик.

Барменша пожимает плечами, а я качаю головой.

— Извини, вот дерьмо.

Мы выпиваем еще по рюмке.

Наш разговор прерывает хриплый голос.

— Не все мужики дерьмо, — говорит мужчина рядом с нами, как раз очень похожий на дерьмо. У него обгоревшая на солнце пунцовая кожа, и одет он в темно-розовую майку с У-образным вырезом. В результате получается смешение несочетающихся цветов, что одновременно создает впечатление обнаженности и делает его похожим на баскетболиста из колледжа, у которого случился удар. Он продолжа-

ет: — Возможно, он боялся, что ты будешь ныть. — Девушка, которая составляет ему компанию, выглядит подавленной, и я не могу сказать, то ли это из-за того, что срывается ее свидание, то ли вообще из-за того, что она показалась на людях со свеклой в человеческом обличье.

— Спасибо за информацию, — говорю я, состроив гримасу. — Вообще-то мы не имеем в виду всех мужчин. Но парень, который сегодня кинул меня, и тот, который бросил — прости, как тебя зовут? — написав SMS, определенно — дерьмо.

Барменша энергично кивает.

— Дерьмо, — говорит она, а потом добавляет, обращаясь только ко мне: — Кэсси.

— А ты не думала о том, что это, возможно, твоя вина? — говорит он, неодобрительно косясь на меня. Я одергиваю юбку. — Может быть, весь ваш феминизм и непомерные запросы мешают вам найти приличного и скромного парня, который позаботился бы о вас? — с гордостью заканчивает он, словно решив за нас все жизненные проблемы. Все, что нам нужно — это смириться со своей традиционной ролью красивой и спокойной женщины и позволить мужчинам руководить всем. Просто. В то время как мы с Кэсси в изумлении молча смотрим друг на друга, я рисую в своем воображении, как колеса автомобиля дробят кости советчика.

Барменша, сидящая слева от меня, наклоняется и, сладко улыбаясь Безмозглому Розоватому Мужу, вежливо говорит: «Ты — тупой кретин».

Отлично сказано.

Он пожимает плечами, вероятно, он часто это слышит.

— Сучки-феминистки, — бормочет он, поворачиваясь к своей спутнице и видя, что она берет в руки пальто и сум-

ку. В бешенстве срываясь с места, она бросает нам извиняющийся взгляд, а кретин бежит за ней вдогонку с бокалом в руках, вопя, что «эти девицы сами начали».

Кэсси смеется и приносит нам бутылку вина.

— У меня перерыв, — кричит она, ни к кому определенному не обращаясь, и, выйдя из-за стойки, забирается на табурет рядом со мной.

— Спасибо, — говорю я женщине слева от меня, торжественно поднимая ладонь в знак приветствия. Ее спутник истерически хохочет.

— Ну, не фантастика ли? — говорит он, вытирая слезы и с гордой улыбкой глядя на нее. Кэсси соглашается, хватая еще два бокала и расплескивая по ним вино для всех нас.

Ребят зовут Фред и Сара, и они вместе четыре года. Таких редко можно увидеть, это практически вымерший тип отношений между мужчиной и женщиной, когда действительно *нет* необходимости рассказывать всем подряд о том, как они любят друг друга. На будущий год Дэвид Аттенборо¹ готовится снять целый сериал об их Неподдельно Счастливых Отношениях. На самом деле они случайно в День святого Валентина оказались вне дома. Сара ужасно сердится по этому поводу, она просто хотела куда-нибудь пойти и выпить со своим лучшим-другом-бойфрендом. К тому моменту, когда они поняли свою ошибку, желание выпить стало острее, чем прежде. С первого взгляда заметно, что они очень пьяны, и — я только что осознала это — я тоже. Свое осознание мы отмечаем, выпив еще по стаканчику, и я рассказываю всей компании о своем свиде-

¹ Дэвид Аттенборо (1926) — знаменитый британский телеведущий и автор документальных фильмов о природе.

нии вслепую. Сара, как персонаж мультфильма — пьяный персонаж, — указывая пальцем в небо, бормочет:

— Не позвонить ли нам твоему придурку и не оставить ли ему голосовое сообщение? — Она хватается мой телефон, а я затуманенным от текилы взглядом наблюдаю за тем, как она набирает номер и включает громкую связь.

Как и прежде, звонок переводится на голосовую почту, и Кэсси берет слово, вопя:

— Привет, болван! — Фред снова начинает хихикать, а Кэсси продолжает: — Элли — удивительная девушка, а ты — идиот, и тебе лучше не кидать людей, потому что в результате ты сам выглядишь идиотом.

Все главное и существенное сказано, теперь очередь за мной.

— Я очень зла, Марти. Можно мне называть тебя Марти? Потому что Мартин — некрасивое имя. По нему сразу скажешь, что ты адвокат по налогообложению или что-то в этом роде. Ох, ребята, ребята, он *работает* адвокатом по налоговым делам!

Все мы начинаем хихикать, а Сара кричит:

— Засранец, — а потом отключается. Легкая отрезвляющая боль под ложечкой подсказывает, что завтра я об этом пожалею, и я знаю, что Джен накричит на меня, но сейчас мне наплевать. Мне просто наплевать.

— Тебе нравится быть одной? — спрашивает меня Кэсси пару часов спустя. Сара с Фредом отправились в дебри Лондона поесть шашлыков с халуми, итак, они просто оставили нас сидящими на деревянных ящиках в кладовке за баром и поедающими из банки пасту «Nutella» пластиковыми вилками. *Нравится ли мне быть одной?* Это один из тех вопросов, которые мне часто задают. Я в одиноче-

стве уже почти год, и мне несложно ответить, *разумеется, да, нравится!* После четырехлетнего романа с парнем по имени Тим ничто не могло бы устроить меня больше, чем одиночество. Знаете, как угнетает необходимость произносить его имя во время секса? Прозвища, безусловно, не в ходу, потому что произнести вслух «Тимми» — это истинное преступление, и он действительно не любил, чтобы его называли, как чертову мартышку. Однажды я назвала его так, и он остановился и спросил меня, все ли в порядке. Он сказал, что испугался, что между нами нарушилась «связь», пока мы «занимались любовью». На самом деле меня не удивляло, когда он по привычке употреблял выражение «занимались любовью». Поэтому, когда мы расстались, я пустилась во все тяжкие, испытывая самые яркие сексуальные опущения. Среди моих партнеров был Парень с умной собакой, Тот, который орет, Тот, который украл у меня столовые приборы, Тонкий и длинный чувак (я имею в виду не пенис, а тело) (но и это тоже). И Сексуально озабоченный доктор, которому следовало бы пересдать экзамены, потому что он, судя по всему, не знает азов анатомии. Как я объяснила своим лучшим друзьям Софи и Томасу, главное было не называть их настоящими именами, чтобы не слишком привязываться к ним, как бродячей собаке.

Сначала все наперебой говорили *О, великолепно!* и *Рады за тебя*, и *Просто получи удовольствие, ты заслуживаешь этого*, и *А его жена действительно умерла?* Но за последние месяцы отношение ко мне изменилось. Все стали участливо поглядывать на меня из-за моего одиночества, спрашивать, счастлива ли я, спрашивать, одинока ли я, спрашивать, не думаю ли я, что у меня *слишком завьшенные* запросы. Чего я пытаюсь не слышать, так это *Не думаешь ли ты,*

«» Гордая итучка «»

что ты слишком непостоянна? Они ходили кругом да около, словно меня эта тема должна очень огорчать, словно я представляю собой проблему, требующую *решения*. Они пишут мне сообщения в День святого Валентина, чтобы проверить, не причинила ли я себе вреда. Я думала, что быть предоставленной самой себе нормально — даже замечательно! — но это заставляет меня сомневаться в себе. Наводит на мысль о том, что со мной что-то не так. Почему я *живу* одна? Неужели я совершенно непривлекательна?

Внезапно я ощущаю себя чуть-чуть несчастной. Вкус пасты «Nutella» во рту напоминает вкус клея, и я чувствую, как накатывается волна тошноты. Я хочу выйти отсюда, но Кэсси смотрит на меня в ожидании ответа.

— Не знаю, — честно говорю я. — Я не чувствую себя одинокой. Одиночество — это то, что я чувствовала, продолжая надоевшую связь. А в такие вечера, как этот, мне кажется, что мне больше никогда не захочется ходить на свидания. Но когда говорят о любви, то предполагают счастливый конец, ведь так? Тот конец, которого мы все хотим. — Мы умолкаем.

Мой телефон вибрирует, получив очередное сообщение. Кто из моих жалостливых друзей вспоминает обо мне в такой час? Это он! Ублюдок адвокат по налоговым делам, наконец-то. Я читаю сообщение. И перечитываю еще раз. Слова расплываются. Я очень пьяна.

Привет, Элинор! Я только что увидел твои сообщения. Боюсь, ты ошиблась, мы договаривались встретиться завтра. Я же писал — 15-го.